

Когда настал славный и памятный день первого богослужения во вновь построенном храме, а произошло это через целых шесть лет после прибытия отца Евлампия в хутор, то в толпе собравшихся казаков и казачек стояла супруга священника, матушка Ольга, и на руках у неё был совсем недавно рождённый малыш, а за юбку с одной стороны держалась девочка, а с другой — мальчик. Чем не пример чадолюбия для своих прихожан? С этого дня потекли дни церковно-бытовой летописи Свято-Серафимовского храма и много раз звучали под его сводами воодушевляющие слова молитв:

- Благослови Царство Отца и Сына, и Святого Духа ныне, присно и во веки веков!

Больше всего отец Евлампий любил крестить новорожденных и радовался, когда раздавался звонкий крик мальчика:

- Казачок родился! Во славу Отечеству, на великую радость семейству и для службы государю!

Когда же рождалась девочка, он, в противовес бытующим неверным суждениям родителей, напирал на другое:

- Продолжательница рода человеческого на Божий свет появилась. Здоровья ей пожелаем и благополучия!

В горестные дни приходилось отпевать в храме усопших, и их относили потом на хуторское кладбище, которое разрослось так, что стали рыть могилы уже вверх по степному бугру. Хуторяне горько шутили:

- При жизни земли не хватает и после смерти тоже.

Казаки всех возрастов нередко обращались к отцу Евлампии по поводу толкований Библии. Тут ему не было равных. Не зря же духовную семинарию в числе лучших окончил! А как он связывал случаи из жизни хуторян со святостью! Особенно удавалось это в отношении пороков.

Их в казачьей среде было не намного меньше, чем в какой-либо другой. Как и везде, были любители без меры выпить. Табакокурение стало чуть ли не нормой жизни. Грешили казаки тем, что оскверняли свои уста бранью, особенно когда возникали не такие уж редкие скандалы по поводу утеснений и неудобств на казачьих паях и огородах. Не всем супругам удавалось соблюсти верность в их отношениях. Особенно это проявлялось, когда казак уходил на тягучие четыре года действительной службы, а его благоверная оставалась под присмотром родителей. Только не всегда этот присмотр помогал, а порой грешили отцы казаков, покрывая свои седые головы тяжким грехом снохачества.

Чтобы победить пьянство, в хуторе затеяли вовлечение казаков в общество борьбы за

трезвость. Евлампий стал приглашать к себе, как бы невзначай, на религиозно-нравственные беседы шибко пьющих. Только это помогало мало.

Рядом с божницами в казачьих куренях появились брошюры о вреде пьянства, которые так и оставались лежать с неразрезанными страницами. Хорошо хоть на растопку печей не пускали.

Сам отец Евлампий к числу совершенно не пьющих не относился. В позвольное церковью время с удовольствием мог пропустить рюмочку-другую, а то и третью под хорошую закуску в виде зернистой икорки или балычка, которыми его исправно снабжал рядом живущий потомственный рыбак по прозвищу Сом Сомыч.

Хуторяне часто видели своего священника в самых разных местах. То он спешил на отправление духовных треб прихожан, то ехал на своём возу на земельный пай, то останавливался посреди улицы и де-

одеяния священника сильный запах ладана и воска. Церковный дух никогда не выветривался!

Торговый казак Карапыш от нечастых щедрот своих передавал семье священника целый рулон чёрного ивановского сатина. Цвет немаркий, к тому же соответствовал сану отца Евлампия, и потому всё его семейство по двору и в своём курене ходило в чёрных одеяниях. Когда же выходили на огород работать, то могло показаться, будто стая чёрных воронов приземлилась за ограду, и они расхаживали среди грядок, выискивая себе пропитание.

Не гнушался отец Евлампий работать на выделенной ему хуторским обществом земле. С одной лишь разницей — в самых тяжёлых работах ему без понукания помогали несколько казаков. Причём иногда даже раньше, чем успевали это сделать у себя на своих земельных паях и огородах.

Колокола на храме.

лал кому-то строгое внушение.

Рано поседевшие волосы он зачёсывал назад и тем самым открывал широкий лоб с глубокими морщинами. Из-под кустистых бровей на собеседника внимательно смотрели большие карие глаза. Казалось, что он даже взглядом мог выразить все свои чувства.

Иногда в нём угадывалось одобрение, и сопровождалось оно почти ласковой полуулыбкой. А нередко скрывались гром и молнии, и беда была тому, кто их навлекал на свою голову!

На особо провинившихся настоятель храма мог наложить наказание, к примеру, отбить сто поклонов в пустой церкви. Но, как правило, он этого избегал и считал, что достаточно публично высказанного осуждения. Некоторые после этого сами обращались за церковным покаянием. И каялись, ещё как каялись! Но, чуть повременив, снова грешили.

Когда по просьбе прихожан отец Евлампий давал испрашиваемое благословение и накладывал на их головы свою мягкую руку, то можно было уловить идущий от руки и

Наперсный крест православного священника.

При этом говорили:

- Батюшка служит Богу и нам соответственно, а мы ему помощь окажем. Глядишь, и зачтётся там, где надо.

Хоть и жил отец Евлампий среди хуторян и такими же заботами, как и они, но всё равно всегда существовала незримая стена между ним как главой прихода и верующими. И от него, хоть и нечасто, но можно было услышать заповедные присказки:

- Мне такие деяния сан не позволяет...

- По церковным установлениям мне лучше воздержаться...

- Мирское — вам, а богослужбное — мне. Так не мною устроено...

По большим праздникам по

хутору двигалась процессия. Впереди в церковном облачении — отец Евлампий и дьяк Василий, а за ними — ктитор — церковный староста, который шёл с вожжами в руках, правя телегой, на которую складывали пожертвования для нужд причта. Из казачьих куреней выходили казаки целыми семействами, тут же получали благословение и пристраивали на телегу кто пол-оклунка пшеничной муки, кто мешок зерна для прокорма скотины и птицы, которую у себя на подворьях держали священники. Запасливый ктитор раскладывал всё принесённое по заранее приготовленным цибаркам и кошелёкам. Всё потому, что, помимо столь ценного всегда хлеба, хуторяне жертвовали шматки сала, завернутые в тряпицы, постное масло в бутылках, баночки с мёдом, рулоны домотканого полотна и даже бутылку-другую самогонки. Не возбранялось и такое подношение, и оно особенно радовало дьяка Василия, который с нетерпением дожидался, когда закончится проезд по улицам и можно будет налить по стаканчику всем сборщикам вспомоществования, нарезать на ломти свежее испечённую хлебину и, положив на них по кусочку розового сала, с хорошим чувством выпить за щедрость хлеборобов.

Чтобы такая щедрость проявлялась у всех хуторян, церковный староста пускал в ход и такую хитрость: он не отъезжал от казачьего двора до тех пор, пока не убеждался, что принесённые дары действительно соответствуют благосостоянию домохозяев. То поправит сбрую на лошади, то осматрив ступицы на колёсах, а то и вовсе нырнёт под воз, посмотреть, в порядке ли оси и поворотный круг. Не на всех это действовало, но особо соvestливые, зная про такое художество помощника священника, всегда выносили дополнительные дары.

Однажды в хуторе Швечикове произошло памятное для каждого земледельца событие.

Весна в тот год радовала как никогда. Сразу после того как отсеяли хлеба, на казачьих паях пошли тёплые дожди с туманами. Хорошая примета. Природа словно набрасывала защитный покров на готовящуюся дать урожай землю.

Когда цвели сады, почти полторы недели светило яркое весеннее солнышко. Пчёлы вылетели на опыление прибрежных садов и подолгу зависали над ветвями. Когда прошло такое благолепие, каждый садовод осматривал завязь на плодовых деревьях и украдкой тихо радовался. Но зря. Преждевременная радость земледельца почти всегда приводит

к глубокому разочарованию.

И то, что это так, сразу все поняли по разнёсшимся ранним утром по хуторским огородам и садам женским крикам и крепким мужским проклятьям. Пелена морозного воздуха, крадучись, зашла в хутор и сначала похозяйничала в низинах, а потом добралась и до верховых левад. Только что появившаяся завязь на плодовых деревьях превратилась в чёрные безжизненные грозди. Особенно досталось винограду. Его зелёные стебли с едва зародившимися гронками стали тёмно-коричневыми и скукожились. Конец, нечего ждать урожая!

Наиболее расторопные хуторяне разожгли костры, но ветра в ту ночь почти не было, и дым просто поднимался в облака, куда то и дело смотрели убитые горем люди и зывали к Богу. А к кому ещё обращаться!

Как всегда, прихожане пришли к отцу Евлампии получить от него успокоение и выяснить, почему произошла такая беда.

Ответ был кратким и сведённым к такой последовательности. Много грешили. Плохо молились. Мало жертвовали святой церкви.

Пока хуторяне спасали остатки урожая, отец Евлампий вместе дьяком Василием и самыми приближёнными верующими усердно молились:

- Владыка Господи Бог наш! Посмотри на нас, смиренных рабов твоих! Услышь наши мольбы и как великий и щедрый не обращай внимания на наши прегрешения! Яви нам благодатную погоду по достоянию твоему! И пусть солнце светит просящим от тебя милости! Сделай радостным лицо земли нашей, ради людей твоих, скота и всех других животных, которые насыщаются твоим благоволением, и ты даёшь всем нам пищу. Об этом молим тебя и уповаем на твою милость!

Кто говорил, что помогла молитва, а кто, напротив, утверждал, что урожай всё равно пропал. Главное, что вера осталась, а за спокойствие и просветление душ отвечал перед всеми отец Евлампий. И с этим в хуторе Швечикове никто и никогда не спорил.

Сергей Сполох,
член Союза
писателей России

Примечание: 1. Все иллюстрации, использованные в настоящей статье, взяты из архива автора и общедоступных источников.

